

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ЛЕНИНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 16

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР
МИНСК 1953

Проф. И. М. НИКОЛЬСКИЙ

**ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩИННОГО БЫТА В АССИРИИ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
НАРОДОВ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА**

Советская наука о древнем Востоке в конце 1951 г. одержала знаменательный успех, определяющий ее путь и новые успехи на предстоящие годы. Этот успех заключается в том, что в конце 1949 г. была окончательно ликвидирована дискуссия по вопросу о прочном существовании и огромном значении общинного быта в странах древнего Востока. Дискуссия возникла пятнадцать лет тому назад, когда группа историков ГАИМК а во главе с В. В. Струве и С. И. Ковалевым выступила с "открытием" в странах древнего Востока рабовладельческого строя в такой же форме, в какой этот строй существовал в античных обществах древнего мира, и предлагала даже включить весь древний мир в одно понятие "античности". Естественно, что подлинники историки-марксисты, стоявшие на почве руководящих высказываний Маркса и Энгельса о домашнем характере древневосточного рабства и прочном существовании общинного быта в странах древнего Востока, выступили с разоблачениями методологической порочности указанной выше концепции и с рядом критических исследовательских статей и монографий, документально подтверждавших установки Маркса и Энгельса и разоблачавших искусственность и несостоятельность концепций В. В. Струве и его сторонников. Первый жестокий удар этим концепциям нанесло опубликование в конце 1939 г. рукописи Маркса "Формы, предшествующие капиталистическому произ-

водству"; вслед за этим последовали две мои монографии ¹⁾, документально доказывавшие существование общинного быта в древнем Двуречье и в Финикии; в 1948 г. вышел подлинно марксистский, построенный на основе учения Маркса и Энгельса о древневосточных обществах, учебник истории древнего Востока проф. В. И. Авдиева, удостоенный в 1952 г. первой Сталинской премии; наконец, летом 1949 г. вышла монография И. М. Дьяконова "Развитие земельных отношений в Ассирии", показавшая документально и подробно прочное существование общинного быта в Ассирии.

В дальнейшем в связи с празднованием в декабре 1949 г. семидесятилетия И. В. Сталина в передовой статье "Вестника древней истории" (№ 4, 1949), помещенной под заглавием "Историческое значение трудов И. В. Сталина для изучения первобытно-общинного и рабовладельческого общества", была затронута и проблема общинного быта на древнем Востоке. В статье говорится, что возникшая в последний период первобытно-общинного строя общинная собственность на землю "прочно сохранялась в эпоху раннерабовладельческого общества, в частности в деспотических государствах древнего Востока", и указывается, что в этом отношении имеются прямые высказывания Маркса в рукописи "Формы, предшествующие капиталистическому производству" и в третьем черновике письма к Вере Засулич, а также указание И. В. Сталина на наличие особых переходных отношений от одной формы производственных отношений к другой форме" (стр. 6 и 7). Весьма показательно, что в этом же номере ВДИ В. В. Струве выступил с неожиданным для него заявлением, что "надлежит всячески одобрить определение восточного варианта рабовладельческого общества, как общинно-рабовладельческого строя" (стр. 147, в рецензии на работу С. П. Толстова "Древний Хорезм"), сдав таким образом свою антимарксистскую позицию, упорно им защищавшуюся еще в 1948 г. ²⁾ И, наконец, в мае 1951 г. вышел в свет т. I "Хрестоматии по истории древнего мира" — "Древний Восток" под редакцией В. В. Струве и с его предисловием, в котором он определяет древневосточное общество, как "полурабовладельческое—полупатриархальное", с "длительным существованием сельской общины и замедленными, застойными формами ее развития", и с "политической надстройкой в форме восточной деспотии", ссылаясь при этом на те руководящие высказывания Маркса и Энгельса, которые до этого момента он

¹⁾ Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье, Минск, 1948; Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов; Минск, 1948 г. Краткие конспекты этих монографий в форме статей были напечатаны в 1945 и 1946 гг. в журналах „Исторический журнал“ и „Вестник древней истории“ (ВДИ).

²⁾ См. его статью „Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье в III тысяч, до н. э.“, ВДИ, 1948, кн. II (особенно стр. 28, а также 21-23).

в своих учебниках и статьях старательно замалчивал (стр. 9, 10 и 11). Конечно, можно только приветствовать этот, правда очень запоздалый, поворот, благодаря которому методологическая дискуссия была наконец закончена решительной победой учения Маркса и Энгельса.

Вполне естественно, что в период дискуссии основное внимание защитников марксистского тезиса о неизменном существовании общинного быта на древнем Востоке было посвящено документальному доказательству этого факта. Теперь, когда дискуссия закончена, перед советскими востоковедами встает другая задача—показать важность этого явления и необходимость его тщательного изучения. Защитники тезиса о прочном существовании общинного быта на древнем Востоке, стремясь в первую очередь документально подтвердить правильность этого тезиса с методологической стороны, лишь вскользь и попутно касались вопроса о роли и значении общинного быта в истории древневосточных обществ. Переходя к этой проблеме, необходимо напомнить историкам-востоковедам, в особенности вчерашним противникам общинной концепции, предельно ясную установку И. В. Сталина о сущности и задаче исторической науки, "если она хочет быть действительной наукой".

В своей работе "О диалектическом и историческом материализме" И. В. Сталин, разъясняя проблему способа производства, производственных отношений и политических учреждений и теорий, говорит:

"история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей.

Значит, история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса...

Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей" и „покорителей" государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов" (История ВКП(б), стр. 116).

Если применить эту руководящую установку И. В. Сталина к истории обществ древнего Востока, то окажется, что трудящиеся массы этих обществ были представлены общинным крестьянством. Ибо рабство в странах древнего Востока, как говорит марксистское учение, было в основном домашним, т. е. обслуживало домашние хозяйства правящей верхушки рабовладельцев и лишь в некоторых странах в некоторые эпохи выходило за пределы домашнего рабства, как было, например, в военно-паразитической державе поздней Ассирии. Общеизвест-

но также, что общинники древнего Востока несли на государство не только натуральные повинности продуктами своего хозяйства в форме ренты-налога, но также и трудовые повинности в форме массовых работ "на дом царя", на которых они работали наравне с рабами, как это мною было показано в одной из моих статей ¹⁾. Особенно важно отметить, что и Маркс подчеркивает рабскую зависимость от царя древневосточных общинников, говоря, что при азиатской форме земельной собственности "отдельный человек... по сути дела сам собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения" ²⁾.

Отсюда вытекает, что, говоря словами И. В. Сталина, историческая наука о древнем Востоке, если она хочет быть действительной наукой, должна прежде всего заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс на древнем Востоке, т. е. историей общинного крестьянства. К величайшему сожалению это руководящее указание И. В. Сталина, высказанное им еще в 1938 г., не было должным образом воспринято советскими востоковедами; мало этого, как указано выше, акад. В. В. Струве вел жестокую борьбу против тех востоковедов, которые следовали руководящим установкам классиков марксизма-ленинизма и занялись проблемой общинного быта. Кроме одной статьи об общинном быте в Египте проф. В. И. Авдиева и двух моих статей об общинном быте в Вавилонии и Израиле ³⁾, советская историческая наука в довоенное время ничего не дала по этому вопросу. В "Истории древнего Востока" В. В. Струве, вышедшей в 1941 г., мы не найдем никаких более или менее определенных сведений об общинном крестьянстве; более того, эта история попрежнему сводила историю общественного развития главным образом к действиям "завоевателей" и "покорителей".

Сравнительная медленность разработки проблемы древневосточного общинного быта в значительной степени зависела от недостаточности документального материала. Большой материал, касающийся организации труда, еще до первой мировой войны был опубликован известным русским ассириологом М. В. Никольским. Он относился к эпохе III тысячелетия до нашей эры и происходил из шумерских центров—Лагаша и Уммы; аналогичные хозяйственные тексты были опубликованы также французским ассириологом Женульяком. Хотя в этих текстах термин, обозначающий раба, встречается очень редко, и главным образом фигу-

¹⁾ Община в древнем Двуречье, ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 91—96.

²⁾ Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 23.

³⁾ Указанная выше статья в ВДИ и статья „Мотивы крестьянского мессианизма в пророчестве VII в. века“, в „Ученых записках Института истории Равнона“, стр. 21—34.

рирует термин *kal* (*gurusch*), обозначающий работника-мужчину, В. В. Струве истолковал этот последний термин в значении "раб" и на этом основании доказывал, что уже в III тысячелетии до н. э. рабство в Шумере достигло такого же массового характера, как в античных обществах Греции и Рима; он не сошел с этой неправильной точки зрения еще в 1948 г., несмотря на ряд возражений, выдвинутых мною и акад. А. И. Тюменевым. Этот последний вопрос таким образом был запутан, и только в самое последнее время его начал распутывать в своих исследованиях проф. И. М. Дьяконов, доказывающий, что в III тысячелетии до н. э. было вовсе не "развитое рабовладельческое общество", а первоначальная государственная организация, рождающаяся в процессе разложения первобытно-общинного быта¹⁾. Документальный материал из последующих эпох истории южного Двуречья, вплоть до крушения халдейского царства, свидетельствует о непрерывном существовании общинного быта, но к сожалению дает очень мало конкретного материала для суждения о характере хозяйственного и общественного быта в сельских общинах южного Двуречья²⁾. Примерно такое же положение мы имеем по отношению к царствам Израиля и Иуды: данные библейской традиции свидетельствуют о прочности общинного быта в этих царствах, но относительно его организации не дают почти никаких указаний, кроме свидетельства о существовании переделов. Египтологи до 1948 г. также мало занимались общинным бытом; были опубликованы небольшие статьи по отдельным вопросам (И. М. Лурье и Н. М. Пестовской), и только в упомянутом выше учебнике истории древнего Востока В. И. Авдиева уделено должное внимание и место истории общинного быта древнеегипетского крестьянства. По отношению к Финикии вопрос об общинном быте был поставлен мною и принципиально решен в моей работе "Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов". Перед самой войной был опубликован ряд документов административно-хозяйственного содержания, раскрывающих организацию и повинности сельских общин в царстве Угарита, существовавших повидимому в двух формах—коллективных хозяйств и надельных хозяйств. Сейчас возобновились раскопки Угарита, и было найдено и опубликовано еще значительное количество документов того же содержания. Разработкой этих материалов я занимаюсь в настоящее время.

Из этого обзора видно, что вопрос об общинном быте в Ассирии, крупнейшем государстве древнего Востока, до последнего времени не разрабатывался и представлял собою темное место. В 1949 г. вышла работа (кандидатская диссертация упомянутого

¹⁾ См. статьи проф. Дьяконова в „Вестнике древней истории“ № 2 за 1950 г. и в № 1 за 1951 г.

²⁾ Кроме моих статей 1938—1940 г. в ВДИ, см. также мою монографию „Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье“, Минск, 1948.

выше ленинградского востоковеда И. М. Дьяконова) "Развитие земельных отношений в Ассирии", знаменующая собой крутой поворот не только в изучении истории ассирийского общинного быта но и вообще истории древневосточного общинного быта. То в, И. М. Дьяконов разработал огромный документальный материал из всех эпох истории Ассирии, опубликованный за рубежом в последние десятилетия перед Великой Отечественной войной и лежавший втуне, без всякого применения его к историческому исследованию. Основная ценность этого материала заключается в том, что он дает возможность почти полного восстановления истории земельных отношений в Ассирии, и особенно важен в том отношении, что он вскрывает в подробностях конструкцию, хозяйственный быт и общественно-административные отношения ассирийских сельских общин, быт трудящихся общинников и способы их эксплуатации, начиная с древнеассирийской эпохи и кончая заключительной эпохой ассирийской военно-паразитической державы. Другими словами, этот материал дает возможность воссоздать образец полной истории древне-восточного, или азиатского, рабовладельческого общества и показать его характерные особенности, как раннерабовладельческого общества с деспотической организацией государства. Тем самым проблема общинного быта в Ассирии приобретает ключевое значение для истории общинного быта в других древневосточных государствах, включая и Египет.

И. М. Дьяконов рассматривает историю земельных отношений в Ассирии по всем трем периодам общей истории Ассирии: древнеассирийскому периоду, обнимающему время примерно с середины III тысячелетия до 1800 г., среднеассирийскому периоду—XVI—XII веков, и новоассирийскому периоду—IX—VII веков. Промежутки между этими периодами наполнены войнами и смутами, и из них до нас не дошло почти никаких документальных материалов. Тем не менее вполне ясно, что социально-экономическая история Ассирии все же идет все время по восходящей линии, и общинный быт в каждую последующую эпоху испытывает существенные изменения, не изменяющие его основ, но придающие ему в каждую эпоху специфические черты в связи с общим экономическим и политическим ростом Ассирии.

Общинный быт древнеассирийского периода не может быть characterized с достаточной полнотой и ясностью в связи со скудостью документальных материалов из этой эпохи. В эту эпоху ассирийское государство называется *alum Aschschur*, т. е. "община Ашшур". Повидимому это была архаическая форма государства, выросшая непосредственно из первобытной патриархальной общины, и может быть характеризована, как "гражданская община". Она состояла из ряда крестьянских общин, называвшихся *bitu* (т. е. дом, семейная община в форме большой семьи), внутри которых существовало уже домашнее рабство; в эту эпоху появились уже купцы, существуют уже крупное царское и храмовое хозяй-

ства, в которых применяется труд не только свободных общинников, но и рабов. Эти черты весьма сходны с чертами общественного строя ранних шумерских государств, для истории которых имеется богатый документальный материал, и историей которых теперь, как сказано выше, И. М. Дьяконов специально занимается.

Своего полного и типического развития общественный строй в Ассирии достигает в среднеассирийский период и может быть подробно характеризован на основании многочисленного документального материала. Мне представляется, что картина этого строя имеет основное значение не только для Ассирии, но и для южной части Двуречья, древневавилонского царства. Условия существования Ассирийского царства в XVI-XII веках характеризуются усложнением состава ассирийского общества этого периода, появлением новых форм землевладения и землепользования при господстве общинного землевладения, ростом рабовладения, ростом торговли, усилением царской власти, приобретающей характер деспотии. Царь теперь является верховным жрецом, верховным военачальником, ведает землеустройством и ирригацией, принял новый титул "царь вселенной (или "множеств"), царь могучий, царь Ассирии" (стр. 42—43) и, как надо думать, уже имел верховное право собственности на землю. Документы среднеассирийского периода дают обширный материал для всесторонней характеристики общинного быта. Для обозначения общины употребляется термин *alu*, которым обозначается как "сельское поселение", так и "сельская община", и не только в общем смысле, но и в специальном смысле отдельных частей территории общины: *qabal ale*—собственно поселение, *ugar ale*—возделываемая площадь вне поселения (*ina eqle*) и *qaqqar ale*—запасная общинная земля, пустошь (стр. 44). Эти терминологические значения слова *alu* имеют первостепенное значение для проблемы общинного быта в Двуречье в целом.

Значение *alu* в смысле "община" было указано мною в качестве термина, обозначающего общины в документах древневавилонского царства, еще в 1938 году, в статье "Община в древнем Двуречье" ¹⁾. Именно в ст. 23—24 кодекса Хаммураби устанавливается обязанность *alu* возмещать убытки лицам, ограбленным на территории *alu*, и уплачивать сверх того штраф родным ограбленного в том случае, если последний был убит, т. е. устанавливается в этом случае круговая порука жителей *alu*. Унгнад, Мюллер, Винклер и за ними Волков и Струве толковали здесь *alu* в смысле "город", но Колер и Пейзер и новейший комментатор кодекса Эйлере переводили здесь термин *alu* термином *Gemeinde*, т. е. община²⁾. В указанной выше моей статье я считаю это

¹⁾ ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 85—86.

²⁾ См. цитированную выше мою статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 85—86.

последнее толкование безусловно правильным, указывая целый ряд других более древних значений *alu* и его древний общесемитский корень, от которого произошли еврейское *‘ohel*—шатер кочевого скотовода, и сабейское *‘hi*—семья. Там же я указал, что другим вавилонским термином для обозначения общины был термин *ugaḡ*, также встречающийся в кодексе Хаммураби, в статьях 53—54. Здесь устанавливается, что если по чьей-либо небрежности произойдет прорыв плотины, и вода затопит *ugaḡ*, то обязанность возмещения убытка соответствующим количеством зерна падает на виновника затопления, вплоть до продажи его самого (в рабство) и его имущества, а вырученные деньги делят между собой *maḡ ugaḡ*, т. е. "люди *ugaḡ*". Французский комментатор Кюк считает, что поскольку в Вавилонии, как и в Египте, постройка и содержание в порядке ирригационных сооружений были искони делом семейств, соединенных в общины, то термин *ugaḡ* надо переводить не "поле", а "община", а *maḡ ugaḡ* не "крестьяне", а "общинники" ¹⁾.

Таким образом, ассирийская терминология полностью подтверждает мое толкование терминов *alu* и *ugaḡ*. Кроме того, И. М. Дьяконов приводит более подробную и еще более показательную справку о семантической истории термина *alu*. Он указывает, что термин *alum*, *alu* является общесемитским, может быть сопоставлен с арабским *alum*, южно-арабским *‘hi*, еврейским *ohāl*, сирийским *jahlā* и имеет в древности двоякое значение: во-первых "фамилия" (семья, род), "народ", "люди", "кочевое племя", и во-вторых "жилище", "шатер". Отсюда И. М. Дьяконов делает естественный вывод, что этот термин первоначально был одним из древнесемитских названий рода и, в частности, места обитания рода, а в классовом обществе Вавилонии и Ассирии этот термин переносится с родовой общины на сельскую (соседскую общину), затем на всякое поселение, в том числе наконец и на город (стр. 18). В связи с этим окончательно вскрывается необоснованность тенденциозных нападок акад. В. В. Струве и его учеников на мое толкование терминов *alu* и *ugaḡ*, как на "преклонение перед иностранщиной", и еще раз напоминает некоторым, якобы особенно "рьяным поборникам" марксизма-ленинизма, что и Маркс и Энгельс не отбрасывали огулом всех выводов буржуазной науки и что они даже пользовались некоторыми результатами работ буржуазных ученых в своих сочинениях. Так, например, И. В. Сталин говорит, что "Маркс и Энгельс считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период" ¹⁾, и всем известно, что Энгельс в своей капитальной работе „Про-

¹⁾ См. цитированную выше мою статью „Община в древнем Двуречье“ ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 86.

²⁾ Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29 (изд. „Правда“).

нахождение семьи, частной собственности и государства" пользовался периодизацией буржуазного ученого Моргана ¹⁾).

Первым основным вопросом общинного быта является вопрос об организационном устройстве сельских общин. Анализируя документальный материал, И. М. Дьяконов устанавливает, что в среднеассирийский период существует два рода коллективов: *alu*—сельская община, и *bitu*—"дом", большая семья. Член общины называется *tappu*—товарищ; можно добавить, что этот термин ассирийского судебника несомненно восходит к древнему шумерскому термину, имеющему такое же значение ²⁾. Член большой семьи называется *asû*—брат. Земля обводилась "большой межей товарищей (*tappa'î*)" и распределялась между большими семьями на "жребии"—*rigu*; эти *rigu* обводились каждый "малой межей". Межи считались неприкосновенными, и за злостное (самовольное) изменение большой межи полагалось наказание „100 палок”, а малой межи—"50 палок". Внутри *rigu* встречалось деление на *zittu*—доля, надел каждой отдельной семьи, входившей в *bitu*. Орошение было в заведывании всей общины—*alu*; относительно ведения хозяйства нет определенных указаний, но, как мне представляется, вернее всего оно было наделным. Эта ассирийская система гораздо сложнее, чем древневавилонская. Если судить о последней по дошедшим до нас документам, то древневавилонская община была уже сельской общиной в точном смысле этого термина, ибо "большой семьи", как твердо и постоянно существующей формы семейной общины, древневавилонское семейное право не знает. Поэтому среднеассирийская община должна соответствовать аккадской или шумерской общине, пока еще не исследованным подробно в советской науке.

Исходя из такой организации среднеассирийского общинного быта, мы можем построить историю происхождения среднеассирийской общины. *Ugar ale Aschschur*—отдельное царское хозяйство уже не существует; существует ряд отдельных общин, происшедших по большей части из прежних больших семей, так как во многих случаях общины носили имена отдельных лиц, вероятнее всего глав прежних больших семей. Объединение больших семей в сельские (соседские) общины несомненно постулировалось необходимостью коллективных ирригационных работ.

Сложная общинная система среднеассирийского периода, впервые раскрытая в исследовании И. М. Дьяконова, показана и поучительна с методологической точки зрения. Эта система отличается от более простой древневавилонской системы, отличается от египетской общинной системы и, как я намереваюсь в ближайшее время показать, отличается и от финикийской

¹⁾ Следует отметить, что в переводе кодекса Хаммураби, помещенном в вышеуказанном I томе "Хрестоматии по истории древнего мира", под редакцией В. В. Струве, теперь дано правильное толкование терминов *alu* и *ugar*.

²⁾ Заклинания *Schurpu*, строки 20—29.

общинной системы. Перед нами четыре формы древневосточного общинного быта, однородные по своей основной конструкции, но имеющие каждая свои типические признаки. Отсюда ясно, что те историки, которые, как, напр., акад. В. В. Струве, считали стандартом для любой древнеазиатской общины конструкцию индийской общины и на этом основании пытались отрицать существование общинного быта в Двуречье ¹⁾, по существу являлись упрощенцами и вульгаризаторами марксистской методологии, забывая, что марксизм—не догма, а руководство к действию, не только в политике, но и в науке, и что всякое положение марксизма, относящееся к древней истории, должно применяться исторически, с учетом условий эпохи и сущности того явления, к которому оно применяется. Такой, уже грубой, методологической ошибкой была также и провалившаяся попытка применить мерку античного рабства к рабству древневосточному.

Другим основным вопросом общинной проблемы является вопрос о государственных повинностях древневосточных сельских общин. Как указывает Маркс, когда непосредственным производителям противостоят не частные земельные собственники, а государство, то земельная рента и налог совпадают, и обе формы ренты, отработочная рента и рента продуктами, идут непосредственно к государству, т. е. к царю ²⁾. В древневосточных деспотиях эти повинности назывались работами "на дом царя" и податями "на дом царя". Обложенная этими повинностями масса общинников носила в Ассирии специальное название *hupschu*, а повинности обозначались термином *ilku alajute*—"повинность общин". Как показывает И. М. Дьяконов, *ilku* среднеассирийских общин сводилась к обычным на древнем Востоке работам—постройкам каналов, дорог, храмов, дворцов, и к несению воинской повинности (стр. 71). К производителям этих работ в Ассирии применялся термин *alaja'u* от *alu*, т. е. "общинник" ³⁾, термин весьма показательный, как для подтверждения значения термина *alu* в смысле "общины", так и в его социально-политическом значении.

Общинный быт среднеассирийского периода уже перестал быть неподвижным. Уже появилась практика продажи или передачи отдельных земельных участков внутри общин, выступающая с более или менее достаточной ясностью в документах и свидетельствующая о возникновении частного землевладения. Документы о продаже или отчуждении земельных участков разделяются на две категории. В первую категорию входят документы об отчуждении отдельных участков внутриобщинных земель, в другую—документы о продаже целых угодий. В этой последней категории имеются также разновидности: в одних до-

¹⁾ ВДИ, 1948, кн. 2, стр. 25-28.

²⁾ Капитал, т. III, 1949 г., стр. 803—804.

³⁾ Цитированная выше работа И. М. Дьяконова, стр. 71—72.

кументах продаются комплексы "поля", "гумна", "qaqqa ale" (свободной земли), иногда добавляются также колодец и сад, а в некоторых других документах в продаваемых комплексах фигурирует еще *dunnu*, термин, которым обозначался комплекс хозяйственных и жилых построек, обнесенный стеною с воротами (*dunnu*, от корня *dun* "быть крепким"). Вопрос о датах той и другой категории документов остается еще невыясненным, и потому нельзя определенно сказать, существовали ли обе эти категории с самого начала одновременно, или вторая категория возникла позднее первой. Вероятнее всего предположение, что вторая категория могла возникнуть только тогда, когда наряду с общинным землевладением появилось также и частное землевладение, в сфере которого и происходили сделки с целыми усадьбами, обнесенными стеною. За это говорит сравнение процедур сделок той и другой категории. Процедура сделок первой категории, на отдельные земельные участки, сложная и путанная. Отчуждение допускалось из участков *rigu* и *zittu*, но в сделке не указывались конкретные границы продаваемого участка, и предусматривалась также возможность, что изданной земли "он (покупатель) не будет удовлетворен", и тогда ему должен был быть предоставлен соответствующий участок либо из другого участка, принадлежащего продавцу, либо из пустоши (*kutallu*) или общинной запасной земли (*qaqqa ale*). Эта оговорка об ограничении для покупателя свободы выбора очевидно была общей, предупредительной, и исходила несомненно со стороны общины, ибо основным владельцем общинной земли и общинных угодий была община в целом. Кроме того, существовал ряд других конкретных оговорок о том, что покупатель не может выбирать участок с дорогой, общинным гумном, колодцем и т. д. Сюда надо добавить, что купленная земля не выходила из общины, а ее покупатель становился членом общины (стр. 46, 48). Поэтому надо признать совершенно правильным мнение И. М. Ляконова, что о сделках этой категории, о продаже земли можно говорить только условно и что по существу мы имеем здесь дело лишь с передачей права пользования (стр. 48). Но тем не менее эти сделки приводили к ослаблению общинных связей, поскольку покупателями чаще всего были ростовщики и поскольку на территории общин постепенно возникали сплоченные имения, уже не передававшиеся и находившиеся во владении отдельных семейных общин. Таким образом начинается процесс выделения из общинного землевладения объектов частного землевладения древневосточного типа, и в связи с этим появляются также документы на сделки с продажей целых неразделяемых усадеб, называемых термином *bitu*. В данном случае этот термин обозначает „дом“, как семейную патриархальную общину, аналогичную вавилонской семейной патриархальной общине *bit abi*. В документах этой категории уже нет никаких упоминаний об оговорках в пользу общины, и формула "выберет и возьмет" отсутствует. Продавцами

обычно выступают "братья", т. е. члены отцовской общины; в редких случаях выступает и община, продающая участки из запасной земли (Дьяконов, стр. 52—54).

Необходимо отметить, что этот процесс образования частного землевладения в среднеассирийский период шел довольно быстро и привел к узаконению нового наследственного права, фигурирующего в табл. II ассирийского судебника и знаменующего поворотный пункт в истории частного землевладения в Ассирии. Судебник признает право частного владения на землю, притом в ущерб семейному и общинному праву, и благоприятствует разложению семейной общины, ибо уничтожает традиционное право равенства братьев при разделе имущества *bitu*. Судебник устанавливает, что старший брат имеет право на две доли наследственного имущества и кроме того имеет при этом право выбрать и взять себе одну долю по своему усмотрению; другая доля дается ему по жребию, а остальная земля делится на доли между остальными братьями по их выбору ¹⁾. На практике такой порядок приводил очень часто к тому, что младшие братья вынуждены были продавать свои меньшие доли старшему брату и уходить из *bitu*. В этом отношении среднеассирийское законодательство пошло дальше кодекса Хаммураби, который устанавливал равенство всех братьев при дележе наследственного имущества, предоставляя отцу лишь право при его желании при жизни выделять сыну "первому в его глазах" специальную наследственную долю, не шедшую в общий раздел. Это постановление сохранялось в Вавилонии вплоть до халдейской эпохи; однако на практике оно нередко нарушалось соглашениями братьев о неравных разделах при дележе наследственного имущества. Возникает чрезвычайно интересная и важная проблема сравнительного изучения как наследственного права, ассирийского и вавилонского, так и наследственной практики в свете развития социально-экономической и политической истории Вавилонии и Ассирии. Такое изучение должно стать очередной задачей советских историков-востоковедов.

В результате процесса образования в среднеассирийском периоде частного землевладения усложнился и состав ассирийского общества. К концу этого периода определились пять социальных категорий населения: 1) сравнительно крупные землевладельцы, рабовладельцы, ростовщики и купцы, постепенно освобождающиеся от общинных повинностей, во главе с царем и жречеством, 2) служилые люди, получающие от царя за службу вознаграждение доходами или ненаследственными наделами, 3) свободное общинное крестьянство — *хутишу*, основная масса населения,

¹⁾ В моей работе „Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье“, стр. 101—103, дано неправильное толкование этого закона в связи с тем, что я пользовался первоначальным, еще неточным изданием ассирийских законов. Точная передача дается в „Хрестоматии по истории древнего мира“, т. I, стр. 186—187 [§ 1 второй таблицы ассирийских законов].

4) кабальное крестьянство в результате долгового рабства различных типов и 5) рабы, по преимуществу домашние. Примерно такой же был состав общества и в древневавилонском царстве; но повидимому слой общинного крестьянства там был более устойчивым, чем в среднеассирийском царстве.

В новоассирийский период произошли весьма заметные изменения в общественном строе и аграрных отношениях, носившие не только количественный, но и качественный характер. В новоассирийском обществе появились новые составные элементы в среде эксплуатируемых классов, государство превратилось в "военно-паразитическую державу" с многочисленным войском и влиятельной военной партией, в первую "мировую" державу древнего Востока. В аграрных отношениях также произошел ряд изменений, относящихся как к общинному землевладению, так и к другим формам землевладения. И. М. Дьяконов полагает, что общинная система в новоассирийский период была расшатанной вследствие социальной перестройки, военных потрясений, искусственной перетасовки населения. Однако он добавляет, что „говорить об отсутствии общины в этот период нельзя" и признает, что *alc* продолжает существовать, как поселение, жители которого были обязаны круговой порукой при платеже податей и выполнении повинностей, пользовались совместно водой и имели участки неразделенной общинной земли. Он добавляет, что "историческая тенденция в дальнейшем должна была привести к восстановлению общин" (стр. 120).

Вряд ли можно признать эту общую характеристику общинного быта новоассирийского периода четкой и правильной, ибо из нее видно, что "расшатанность" общин новоассирийской эпохи носила чисто механический и временный характер. В связи с войнами и переселениями („перетасовкой населения") существовавшие в это время общины разрушались, но сейчас же заменялись новыми общинами, иного людского (племенного) состава, однако на той же экономической основе и в той же общественной форме, т. е. происходил тот типический процесс разрушения и быстрого восстановления общин, на который указывает Маркс в I томе "Капитала" ¹⁾. Пожалуй главная, если не единственная, новая черта общинного быта новоассирийского периода заключалась в пестроте племенного состава новоассирийских общин, ибо они, в отличие от общин предшествующих эпох, не были однородными по племенному признаку, но разно-

¹⁾ Стр. 366, изд. 1949 г., где Маркс говорит: „Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме, и будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики*.

племенными, иногда даже смешанными из представителей разных племен. Эта новая характерная черта объясняется конечно завоевательной политикой новоассирийского царства, которая включила в его состав ряд разноплеменных завоеванных областей, живших тем же общинным бытом, а затем путем переселений придала пестрый племенной характер также и основному территориальному ядру новоассирийской военной державы. Аналогичный процесс до известной степени происходил и в вавилонском царстве, где в касситскую эпоху рядом с вавилонскими появились касситские общины, а в халдейскую эпоху Вавилонию наводнили халдейские общины.

Но безусловно новым и важным является вопрос о составе непосредственных производителей в новоассирийской державе, как таковых. Состав трудящегося населения в Ассирии последнего периода усложнился в связи с появлением в его среде новой категории. Именно, кроме свободного общинного крестьянства, обложенного рентой-налогом и отработочной рентой "на дом царя", а в известных случаях и в пользу храмов, и кроме рабов в собственном смысле, которые были собственностью их господ, появилась еще группа несвободных земледельцев. Земледельцы этой категории считались собственностью царя, храмов или частных лиц, назывались "людьми страны" и рекрутировались либо из местных жителей, либо из переселенных или плененных людей в результате покорения их стран. Они могли иметь свою собственность, могли быть наделены некоторыми гражданскими правами, подлежали государственным повинностям, в том числе воинской. Но они были несвободными, либо в силу закабаления за долги, либо в силу их принадлежности к покоренным народам, либо в силу того, что они были из рабов, посаженных господами на землю. Сами ассирийские господа называли земледельцев этих категорий рабами наравне с подлинными рабами (Дьяконов, стр. 116—117).

И. М. Дьяконов правильно считает, что этих несвободных земледельцев нельзя называть крепостными, и не менее правильно подчеркивает, что такие моменты, как инерция рабовладельческого строя, психология рабовладельцев, условия войн, уводы и переселения покоренных, стирали "практическую грань между действительными рабами и несвободными земледельцами" и приводили к причислению последних к рабам (стр. 117). Другими словами, мы имеем здесь перед собой процесс расширения рабовладельческого строя, выход его за пределы домашнего рабства к массовому рабству. Это явление, к сожалению, не получившее правильной оценки в работе И. М. Дьяконова¹⁾,

¹⁾ И. М. Дьяконов в своей работе „условно“ приравнивает этих несвободных землевладельцев к римским колонам I в. н. э. Такое приравнивание, хотя бы и условное, методологически неправильно ибо римский колонат возник в связи с начавшимся разложением рабовладельческого строя, тогда как в новоассирийском царстве появление новой группы несвободных свидетельствует о расширении рабовладельческого строя.

весьма важно и интересно и заслуживает специального исследования.

Такова в главнейших чертах история ассирийского общинного быта. Проблема этой истории, разрешенная в работе И. М. Дьяконова, имеет огромное значение для изучения общей проблемы общинного быта в древнем Востоке. В исследовании тов. И. М. Дьяконова с большей или меньшей полнотой и четкостью разрешены по отношению к Ассирии все основные вопросы истории общинного быта: 1) общий вопрос о фактическом существовании общинного быта в странах древнего Востока, 2) вопрос о происхождении сельской древневосточной общины из патриархальной общины на последнем этапе первобытно-общинного строя в тесной связи с образованием первоначальной деспотической формы древневосточного государства, 3) вопрос об организации сельской общины и ее роли, как экономической и трудовой базы древневосточного общества и государства. 4) вопрос об изменениях в организации общинного быта в связи с появлением частного землевладения и роста рабовладения и ростовщичества, приводивших к временному ослаблению и частичному разложению общинного быта, 5) вопрос о спорадических разрушениях общинного быта в связи с завоеваниями и быстрого возрождения этого быта на новой племенной основе; наконец, затронут, но не разрешен вопрос о судьбе древневосточного общинного быта в эллинистическую эпоху. Для последней эпохи дает надежный и интересный материал недавно вышедшее в свет посмертное исследование А. В. Рановича "Эллинизм и его историческая роль".

Тем самым советская историческая наука получила надежную базу для изучения и восстановления истории трудящихся масс общинников во всех остальных странах древнего Востока. Надо сознаться, что на этом пути сделано до сих пор еще немного, отчасти за неимением достаточного документального материала, отчасти потому, что до последнего времени у подлинно марксистских историков-востоковедов на первом плане стояла борьба за защиту правильности и обязательности тезиса Маркса и Энгельса о существовании и важнейшей роли общинного быта на древнем Востоке. Теперь этот последний момент отпал, и от борьбы можно перейти наконец к спокойной конструктивной работе. По отношению к раннему периоду общинного быта в южном Двуречье, в Шумере, ведет в настоящее время большую работу И. М. Дьяконов. Я в ближайшее время возобновляю работу по проблеме общинного быта в Финикии и Израиле. Надо надеяться, что и наш виднейший египтолог лауреат Сталинской премии проф. В. И. Авдиев также займется специально вопросами истории египетского общинного крестьянства, которым он посвятил одну из своих ранних работ, установив существование в Египте общинного быта. Надо думать также,

что И. М. Дьяконов после окончания его теперешних чрезвычайно важных исследований, посвященных проблеме возникновения классового общества и ранних додеспотических форм государственных объединений в Шумере, продолжит и завершит исследование общинного быта в Аккаде и в вавилонском царстве всех эпох, начатое мною в моей монографии "Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье" ¹⁾). Когда эти работы будут сделаны, советские историки получат твердую базу для построения такой истории стран древнего Востока, какая от них требуется указанием И. В. Сталина — "историю производителей материальных благ, историю трудящихся масс, историю народов". ¹

¹⁾ Огромное значение для исследования общинного быта и вообще для истории экономики и общественных отношений в древнем Двуречье имеют новые переводы с подробными лингвистическими и историческими комментариями законов Вавилона, Ассирии и Хеттского царства, сделанные И. М. Дьяконовым. Эти переводы опираются на основы марксистско-ленинской методологии; в них учтены и критически оценены все прежние, как русские, так и иностранные переводы, и потому в этих переводах дается впервые в советской науке и вообще в науке о древнем Востоке точная и правильная концепция основ и форм общинного быта и гражданского права в государствах Двуречья и в Хеттском царстве. См. "Вестник древней истории" 1952 г., кн. 3. стр. 199—303 и кн. 4, стр. 205—320. В заключение следует отметить, что выдающееся исследование И. М. Дьяконова не получило надлежащей оценки в „Вестнике древней истории". Помещенная там краткая, в 2 ¹/₂ страницы, рецензия Редера (1951, № 1, стр. 169 и сл.) ученика Струве, лишь вскользь касается основного костяка исследования И. М. Дьяконова—истории общинного быта в Ассирии (всего 9 строк в трех местах на стр. 170), и сосредоточивает все внимание на других, попутных частях работы. Таким образом, эту рецензию нельзя не признать тенденциозной, сознательно вводящей читателей в заблуждение. Моя развернутая рецензия напечатана не была.